

К. С. ГАДЖИЕВ

К КРИТИКЕ ОДНОЙ БУРЖУАЗНОЙ КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИИ США

В последние три десятилетия в американской буржуазной историографии видное место занимает Артур Мейер Шлезингер-младший, автор ряда крупных работ по важнейшим проблемам истории США. Шлезингер сочетает качества профессионального исследователя-историка, публициста и политического деятеля. Его научная и общественно-политическая деятельность неразрывно связана с судьбами современного американского либерализма и в наиболее законченной форме воплощает в себе противоречивый и извилистый путь развития последнего. Шлезингер — один из авторов так называемой теории «реальной политики», служащей идейно-теоретической основой внешнеполитического курса правящих кругов США на нынешнем этапе. В начале 60-х годов, будучи специальным советником президента Дж. Кеннеди, он участвовал в разработке правительственных программ, положивших начало более реалистическому подходу правящих кругов Америки к проблемам международной политики. В то же время Шлезингер — один из тех, кто сформулировал и в течение многих лет последовательно отстаивает печально известные антикоммунистические концепции конвергенции капитализма с социализмом и «конца идеологии». Очевидно, что принципиальная марксистско-ленинская критика исторических взглядов Шлезингера-младшего — этого убежденного защитника американской общественно-политической системы, антикоммуниста и противника социализма — представляет большой интерес для понимания идеологии и политической стратегии господствующего класса Америки.

Отдельные взгляды Шлезингера-младшего освещались в работах советских историков¹, однако целостного исследования его взглядов до сих пор не было. Задача данной статьи — проанализировать основные работы и проследить становление и эволюцию взглядов Шлезингера в течение нескольких десятилетий.

Шлезингер-младший родился в 1917 г. в Коламбусе (штат Огайо) в семье видного историка «прогрессивистского» направления Артура Мейера Шлезингера-старшего. В 1938 г. он с отличием окончил Гарвардский университет. Его дипломная работа, посвященная одному из политических деятелей первой половины XIX в. — О. Браунсону, была издана отдельной книгой². Но по этому первому исследованию молодого автора трудно было представить его дальнейшую научную судьбу.

В 1940 г. Шлезингер примкнул к организации «Оборона Америки. Гарвардская группа», созданной при активном участии его отца и высказывавшейся за немедленное вступление США в войну против гитлеровской Германии. С июня 1942 г. он работал

¹ См. Д. Г. Наджафов. Об одной тенденциозной концепции истории США. — «Вопросы истории», 1963, № 6; М. Н. Межевич. Проблема «джексоновской демократии». — «Основные проблемы истории США в американской историографии». М., 1971; В. Л. Мальков. «Новый курс» в США. Социальные движения и социальная политика. М., 1973, стр. 349—350; его же. К вопросу о современном состоянии американской буржуазной историографии. — «Критика современной буржуазной и реформистской историографии». М., 1974.

² A. M. Schlesinger, Jr. Orestes Brownson: The Pilgrim's Progress. Boston, 1939.

сначала в отделе военной информации, несколько позже перешел в отдел стратегических служб³. В последующие годы служил в Лондоне, Париже, а после разгрома фашизма — в Висбадене. Параллельно со службой в военных учреждениях Шлезингер в 1942 г. читал в Лойэлловском институте Бостона курс лекций, на основе которого в 1945 г. была опубликована книга «Эпоха Джексона»⁴, выдвинувшая ее автора в ряды видных американских буржуазных историков.

Большое влияние на формирование идей, изложенных Шлезингером-младшим в этой работе, оказали концепции приверженцев «прогрессивистской» историографии, таких, как Ч. Бирд, В. Л. Паррингтон и особенно Шлезингер-старший. В этом отношении несомненный интерес представляет интеллектуальное окружение, в котором формировались идейные и политические воззрения молодого Шлезингера. Среди учеников его отца были получившие позже известность историки М. Керти, К. Бриденбо, Р. Бэк, О. Хэндлин и Д. Флеминг. Принципы так называемой интеллектуальной истории в тот период формулировались коллегами Шлезингера-старшего по Гарварду — С. Э. Морисоном, Г. М. Джоунсом, К. Мердоком и П. Миллером. Большое влияние на Шлезингера-младшего оказал также отличавшийся радикальными взглядами Ф. О. Маттисен, с которым он позднее разошелся идейно и политически⁵.

Еще в 1922 г. Шлезингер-старший, в ту пору один из ведущих «прогрессивистов», в очерке «Значение джексоновской демократии» подверг частичной ревизии тезис Ф. Дж. Тернера о джексоновском движении. Тернер рассматривал движение широких масс американского народа за расширение демократических прав конца 20 — начала 30-х годов XIX в. во главе с популярным политическим деятелем того периода Э. Джексоном как движение более индивидуалистически и демократически настроенных жителей западных, аграрных — «пограничных» — штатов и территорий США против господства менее демократических, индустриальных — восточных — штатов Атлантического побережья. Справедливо критикуя Тернера за односторонность, Шлезингер заявлял, что в борьбе за демократию в тот период участвовали не только жители «границы», но и жители городов Востока. Для правильного понимания джексоновского движения, писал он, «необходимо учитывать изменившиеся условия жизни простого человека в новых индустриальных центрах Востока»⁶. Такую же позицию занимал и «прогрессивистский» историк В. Л. Паррингтон, который утверждал, что «поляризация сил» в джексоновскую эпоху, как и в 1789 г., «приняла форму борьбы демократии с аристократией»⁷.

Следуя за «прогрессивистами», Шлезингер-младший в «Эпохе Джексона» отмечал, что основное содержание джексоновского движения заключалось в завоевании широкими массами фермеров и рабочих контроля над капиталистическими, главным образом восточными, группами страны. Пытаясь найти объективные причины движения, Шлезингер подробно разбирает социальное и экономическое положение различных слоев населения. Для этого он использовал статистические данные, мемуарную литературу, местную и общенациональную прессу, неопубликованные документы из личных архивов политических и государственных деятелей XIX в. Большое внимание Шлезингер уделил выяснению идеологической и духовной атмосферы страны. Следует отметить, что уже в этой книге наметилось характерное для последующих больших работ Шлезингера стремление к широкому охвату рассматриваемых явлений.

В результате исследования Шлезингер пришел к выводу о наличии в 20-х годах XIX в. недовольства плантаторов Юга, рабочих Востока и фермеров Севера и Запада политикой федерального правительства, предавшего джефферсоновский принцип равных прав в угоду особым интересам одного класса, т. е. крупного бизнеса⁸. Шлезингер подчеркивал наступательный характер борьбы широких слоев народа, вовлеченных

³ A. M. Schlesinger, Sr. In Retrospect: The History of a Historian. New York, 1963, p. 141.

⁴ A. M. Schlesinger, Jr. The Age of Jackson. Boston, 1945.

⁵ «Pastmasters. Some Essays on American Historians». Ed. by M. Cunliffe and R. Winks. New York — Evanston — London, 1969, p. 342.

⁶ A. M. Schlesinger, Sr. New Viewpoints in American History. Boston, 1922, p. 200—219.

⁷ В. Л. Паррингтон. Основные течения американской мысли. т. II. М., 1962, стр. 173—174.

⁸ A. M. Schlesinger, Jr. The Age of Jackson, p. 307—314.

в джексоновское движение, против господства бизнеса и представлявшего его интересы федерального правительства. В то же время он отмечал переплетение разнородных факторов экономического, социального и идеологического характера, обусловивших включение различных слоев населения в борьбу под руководством Джексона. Тем самым Шлезингер показал односторонний характер концепции Тернера о «пограничном» происхождении американской буржуазной демократии вообще и джексоновского движения в частности. Он нанес удар и по механистической схеме Ч. Бирда, который рассматривал американскую историю только как непрерывный процесс столкновения интересов аграрного Запада и индустриальных районов Атлантического побережья, интересов фермеров и промышленников.

«Эпоха Джексона» в целом продолжала традицию «конфликтной» истории «прогрессистской» историографии. Именно поэтому она оказалась в центре внимания американских буржуазных историков, большинство которых перешло к этому времени на позиции «консенсусной», или «бесконфликтной», концепции исторического процесса в США. В отличие от «прогрессистских» историков 20—30-х годов, которые в ряде случаев признавали наличие объективных закономерностей развития классового общества и классовых конфликтов в американской истории, сторонники бесконфликтного направления говорят о приверженности американского народа к компромиссам, о преобладании в американском обществе неантагонистических противоречий, легко разрешаемых в ходе открытой мирной дискуссии. В основе переориентации буржуазных историков лежал общий поворот правящих кругов США после второй мировой войны в сторону консерватизма и реакции⁹. В этих условиях идеи, высказанные в книге «Эпоха Джексона», оказались непопулярными. Шлезингер, осмелившийся открыто заявить о том, что «столкновение между капиталом и трудом, обиталищем Достатка и обиталищем Нужды» составляет содержание истории, предстал в глазах реакционеров чуть ли не коммунистом.

Однако, несмотря на отдельные верные положения, концепция джексоновского движения Шлезингера страдает существенными недостатками. Так, источник «движущей энергии джексоновской демократии, как и любого агрессивного реформистского движения», он видел в действиях узкой группы людей, объединенных желанием «трансформировать существующий порядок», решающую роль в которой играли интеллектуалы из городов Восточного побережья. Особенно несостоятельны попытки Шлезингера вписать джексоновское движение в рамки циклической концепции американской истории¹⁰. Шлезингер утверждает, что джексоновское движение явилось очередной победой либерализма, пришедшего на смену консерватизму «периода согласия», охватывавшего время президентств Дж. Монро и Д. К. Адамса. Такое понимание джексоновского движения, при котором общественный конфликт переносится в сферу абстрактной борьбы принципов консерватизма и либерализма, затушевывает его социально-экономическое содержание и классовую сущность.

Верно, что в джексоновском движении участвовали широкие слои фермеров Запада и Юга и рабочих городов Атлантического побережья, а также значительные группы интеллигенции и мелкой буржуазии, недовольных политикой президента Адамса и его сторонников, стремившихся всемерно укрепить федеральное правительство, расширить

⁹ См. Н. В. С и в а ч е в. Идеино-политические предпосылки послевоенной реакции в США. — «Новая и новейшая история», 1972, № 2.

¹⁰ А. М. S c h l e s i n g e r, Jr. The Age of Jackson, p. 67. Идея циклического развития присущает в концепциях многих «прогрессистских» историков. Так, У. Фолкнер утверждал, что толкование многими историками «нового курса» как «ненормального» явления было обусловлено непониманием ими «ритмического характера американской истории», заключавшегося в последовательной смене ритмов прогресса и реакции. — «American Historical Review», vol. 46, № 3, 1939, p. 503. Особенно отчетливо идея циклического развития американской истории была сформулирована Шлезингером-старшим. В очерке «Радикализм и консерватизм в американской истории» (1922 г.) он доказывал, что радикализм (или либерализм) и консерватизм составляют два противостоящих друг другу лагеря и что столкновение между ними обуславливает содержание американской истории. — А. М. S c h l e s i n g e r, Sr. New Viewpoints in American History, p. 104—105. Эта идея получила дальнейшую разработку в другом очерке Шлезингера-старшего, написанном в 1939 г., в котором утверждалось, что вся история США — это история последовательной смены циклов либерализма и консерватизма. — А. М. S c h l e s i n g e r, Sr. Paths to the Present. Boston, 1964.

его прерогативы и функции. Создав искусственные препятствия к приобретению «свободных» земель, проводя политику высоких тарифов, выгодную узкой группе крупных капиталистов Северо-Востока, правительство Адамса создало почву для недовольства широких слоев народа, для которых Банк США стал олицетворением господства и произвола. Джексоновское движение имело своей целью постепенное уничтожение препятствий на пути широких слоев фермерства и мелкой буржуазии, недовольных патерналистской политикой правительства Адамса, к свободному приобретению частной собственности и, в особенности, облегчение для них доступа к «свободным» землям Запада, что было необходимым условием «американского» пути развития капитализма в США. Мероприятия, проведенные администрацией Джексона в период 1829—1836 гг., в частности либерализация процедуры приобретения «свободных» земель и снижение цен на них, а также прекращение деятельности Банка США, в некоторой степени ограничили произвол крупных капиталистов и земельных спекулянтов.

Но все это лишь часть проблемы. Критики Шлезингера из числа американских историков не без оснований подчеркивали тот факт, что, несмотря на антибизнесную риторику джексоновцев, ликвидация ими Банка вовсе не была ударом по «власти денег»¹¹. Немаловажную роль в джексоновском движении, наряду с фермерами и рабочими, сыграли значительные группы буржуазии, поднявшей и укрепившей свои позиции в последовавшие за революцией десятилетия¹². Они выступили против крупной старой федералистской буржуазии и выражавшего ее интересы федерального правительства, в руках которых Банк США служил орудием осуществления их узкоэкономических целей в ущерб интересам как широких масс трудящихся, так и той части буржуазии, которая тяготилась патерналистской экономической политикой правительства. Как отмечает Хэммонд, ликвидация Джексоном Банка США лишь «положила конец федеральному регулированию банковского кредита и переместила денежный центр страны ... на Уолл-стрит»¹³. Победа сторонников Джексона в вопросе о банке означала выдвижение на передний план более динамичной новой американской буржуазии, заинтересованной в последовательном проведении в жизнь лозунга «Laissez-faire». Другими словами, часть бизнеса составляла одну из движущих сил джексоновского движения и, как пишет советский исследователь М. Н. Межевич, «в действительности сокрушение Второго банка, равно как и внедрение принципа основания любых корпораций без разрешения властей, было не борьбой против капитализма, а политикой, направленной на создание более благоприятных условий для его развития»¹⁴. В то же время это движение поддерживала значительная часть южной рабовладельческой аристократии, которая выступала против расширения прерогатив федерального правительства с консервативных позиций. Все это показывает, что концепция джексоновского движения Шлезингера не учитывала всего многообразия исторической действительности.

После второй мировой войны особым нападкам со стороны приверженцев «бесконфликтной» истории подвергаются концепции «прогрессистских» историков о Гражданской войне. При всей ограниченности экономического детерминизма, с позиций которого «прогрессисты» трактовали основные проблемы американской истории, они во многом верно схватили сущность борьбы, развернувшейся в 60-х годах XIX в. между плантаторским Югом и республиканским Севером. Гражданская война, по их мнению, была неизбежна в силу непримиримого конфликта экономических интересов капиталистов Севера и южных рабовладельцев. В послевоенный период историки так называемого ревизионистского направления в историографии Гражданской войны (Дж. Рэнделл, А. Крейвен и другие) выдвинули тезис, будто эта война была результатом действий кучки непримиримых радикалов Севера, ввергших страну в катастрофу, что при наличии у северян доброй воли войны можно было бы избежать и все споры будто бы можно было разрешить полюбовно в ходе мирных дискуссий¹⁵. В 1949 г. Шлезингер¹⁶ по-

¹¹ B. Hammond. *Banks and Politics in America from the Revolution to the Civil War*. Princeton, 1957, p. 329.

¹² L. Benson. *The Concept of Jacksonian Democracy*. New York, 1960.

¹³ B. Hammond. *Op. cit.*, p. 329.

¹⁴ М. Н. Межевич. Указ. соч., стр. 253.

¹⁵ См. И. П. Деметьев. *Американская историография Гражданской войны в США*. М., 1963.

¹⁶ A. M. Schlesinger, Jr. *The Causes of the Civil War*. — «Partisan Review», vol. 16, October 1949.

настойчивость такого подхода. Однако, подтверждая мысль о неизбежности войны. Шлезингер по существу сводит ее предпосылки к факторам морально-этического порядка. По его мнению, «моральные» различия между «ужасными» институтами Юга и либеральными институтами Севера были настолько глубокими, что их уже невозможно было разрешить политическим компромиссом. При такой трактовке выхолащивалось действительное революционно-демократическое содержание Гражданской войны, фактически притуплялась непримиримость плантаторско-рабовладельческой и капиталистической форм хозяйства, что в конечном счете приводило к отрицанию социально-классового характера вооруженного конфликта между Севером и Югом.

Тенденция к исключению классовых конфликтов из общественно-политической жизни Америки и подмене их конфликтами между абстрактными ценностями характерна и для последующих работ Шлезингера. Особенно отчетливо это проявилось в книге «Жизненный центр. Политика свободы», изданной в 1949 г.¹⁷ Как отмечал автор, эта работа была направлена не столько против идеологии правых, сколько против коммунистической идеологии, ибо, утверждал он, в нашу эпоху вопрос стоит так: «Мы или они, США или СССР, капитализм или коммунизм». Прогрессивная общественность США, которая правильно оценила преимущественно антикоммунистический характер этой книги, выступила с резкой критикой основных ее положений. Американский историк-марксист Г. Аптекер в памфлете «Фальсификация Шлезингера», опубликованном сразу после выхода в свет «Жизненного центра», указывая на несостоятельность идей ее автора, писал: «Мишурность метода Шлезингера сродни необоснованности его идеологии. Как методология, так и идеология Шлезингера представляют собой плод его программы — программы, выработанной для нужд правящего класса»¹⁸. Быстрое распространение коммунистических идей, особенно после второй мировой войны, обусловило необходимость переформулировать идеологию американского либерализма. При этом, по мнению Шлезингера, необходимо отказаться от «фальшивого оптимизма» либералов XIX в., чрезмерно акцентировавших внимание на положительных качествах человека, ибо история XX в. якобы показала несовершенство человека и его приверженность ко злу¹⁹. «В середине XX в., — писал Шлезингер, — мы смотрим на нашу эпоху как на век трудностей и страха. Основы цивилизации... дрожат под нашими ногами; привычные нам идеи и институты исчезают, подобно тени в наступающих сумерках. Подавляющая часть мира примирилась с этим полусветом, с царством, где отсутствует безопасность... Мы открыли новое измерение опыта — измерение страхом, преступлением и коррупцией»²⁰.

Для того чтобы вдохнуть новую жизнь в либеральную идеологию, которая, по мнению Шлезингера, является единственно возможной основой стабильного и здорового общества, первым делом необходимо найти источник страха и несбывшихся надежд, пронизывающих американскую жизнь. «Статичное и децентрализованное» аграрное общество прошлого, утверждает он, было основано на «личных узах» и управлялось «личностной этикой». Индустриализм разорвал эти узы. В результате возник «новый кодекс» взаимоотношений между людьми и объединениями людей. Промышленный менеджер теперь имеет дело не со знакомыми ему людьми, как это было в аграрном обществе, а с «безличными организациями», в результате «организация все в большей степени превращается в инструмент, посредством которого вполне нравственный человек может стать пленником собственных слабостей»²¹. Так характеризует Шлезингер неприглядные стороны процесса бурного развития промышленности и его влияние на все

¹⁷ A. M. Schlesinger, Jr. *The Vital Center: The Politics of Freedom*. Boston, 1949.

¹⁸ H. A p t h e k e r. *The Schlesinger's Fraud*. New York, 1949. Перепечатано в кн: H. A p t h e k e r. *History and Reality*. New York, 1955, p. 129.

¹⁹ Как отмечает американский буржуазный историк Дж. Уайз, в период с 1945 г., когда появилась «Эпоха Джексона», по 1949 г. идеи Шлезингера претерпели значительную трансформацию: отбросив убеждение, что «консерватизм представляет собой главного врага свободы», он «перешел от решительно прогрессивистских позиций на... контр-прогрессивистские (т. е. консервативные.— К. Г.) позиции». — G. W i s e. *American Historical Explanations*. Homewood, 1973, p. 239—240.

²⁰ A. M. Schlesinger, Jr. *The Vital Center: The Politics of Freedom*, p. VIII—IX, 12, 165.

²¹ *Ibid.*, p. 4, 5—6.

стороны общественной жизни в условиях современного капитализма, когда человеческие ценности приносятся в жертву золотому тельцу.

Какой же выход предлагает автор? По его мнению, капитализм «социализирует буржуазное мышление», что неизбежно освободит-де многих капиталистов от собственного инстинкта. Однако в целом, утверждает Шлезингер, бизнес не может служить центром, вокруг которого удалось бы стабилизировать американское общество перед лицом «угрозы со стороны коммунизма». Более того, все несчастья Америки, по Шлезингеру, кроются в том, что бизнес, который действительно много сделал для ее промышленного развития, в то же время создал плутократию. «Плутократия, — пишет он, — это имущий класс, объединенный не сложными ценностями статуса, возникающими в стабильном и взаимосвязанном обществе, а принципами голого накопления денег... Люди, привыкшие к осуществлению исключительно своих собственных интересов, не способны принять на себя роль политика, который должен уравновесить и примирить конфликтующие интересы многих групп»²². Организующую силу общества Шлезингер видит в правящей элите, или аристократии, которая, как он утверждает, внесла ценный вклад в политическую традицию Америки. Аристократия управляет и в то же время, считает он, чувствует ответственность за управляемых; она руководствуется принципом «положение обязывает», служит интересам не какого-либо отдельного класса, а всей нации. Однако сама аристократия может добиться успеха лишь в том случае, если она, подобно Т. Джефферсону или Ф. Д. Рузвельту, сумеет сплотить вокруг себя остальные части американского общества²³.

Таким образом, в правящей элите Шлезингер видит тот «жизненный центр», который поведет американское общество по «среднему» пути между капитализмом и коммунизмом²⁴. Началом этого возрождения, согласно Шлезингеру, явилось создание в 1947 г. при его участии организации «Американцы за демократическое действие», боровшейся против реакции справа и коммунизма слева. Идея «среднего пути», как известно, была выдвинута еще Д. Шумпетером в книге «Капитализм, социализм и коммунизм», опубликованной в 1942 г. Она оказала определенное влияние на Шлезингера. Большую роль в формировании его концепции сыграли также идеи Р. Нибура²⁵. Концепция «среднего пути» послужила отправным пунктом для созданной несколько позднее буржуазной доктрины конвергенции социализма и капитализма в единое индустриальное общество, в котором, по мнению творцов этой доктрины, должны исчезнуть всякие классовые различия и конфликты, что якобы положит конец всякой идеологии. Известную роль в формулировании этой концепции сыграл и сам Шлезингер.

В марксистско-ленинской литературе подробно показана несостоятельность положений теории конвергенции и вся иллюзорность «среднего пути» между капитализмом и социализмом²⁶. Здесь следует подчеркнуть также то, что идея «жизненного центра» призвана обосновать концентрацию политической власти в руках незначительной группы, правящей элиты, или, как говорит сам Шлезингер, аристократии. В дальнейшем, как мы увидим, Шлезингер стал открыто проповедовать идею сильных личностей и элитической формы правления как единственной основы решения стоящих перед США проблем.

В 50-е годы Шлезингер работает в штаб-квартире кандидата в президенты от демократической партии (в 1952 и 1956 гг.) Э. Стивенсона, пишет для него предвыборные речи. В соавторстве с либеральным публицистом Р. Ровером Шлезингер в 1951 г. написал книгу о внешней политике президента Г. Трумэна и его взаимоотношениях с генералом Д. Макартомум²⁷.

²² Ibid., p. 13.

²³ Ibidem.

²⁴ Ibid., p. 165—166.

²⁵ Шлезингер признает, что книга Р. Нибура «Сущность и судьба человека» повлияла на него больше, чем любая другая. — «Pastmasters. Some Essays on American Historians», p. 363. О взглядах Р. Нибура см.: А. Чернов. Р. Нибура — идеолог американского либерализма. — «Новая и новейшая история». 1972. № 3.

²⁶ См. М. Б. Митин. Теория конвергенции и ее социальная сущность. — «Современные буржуазные теории слияния капитализма и социализма». М., 1970; Л. Н. Москвичев. Теория «деидеологизации»: иллюзия и действительность. М., 1974; Г. Майснер. Теория конвергенции и реальность. М., 1973.

²⁷ R. R. Rovere, A. M. Schlesinger, Jr. The General and the President. New York, 1951.

В период разгула маккартизма и ожесточенных нападков на президента Ф. Рузвельта к «новому курсу» со стороны идеологов консерватизма и особенно ультраправых групп Шлезингер продолжал выступать в духе либерально-реформистской традиции. Он приступил к написанию большого труда, в котором поставил задачу исследовать внутреннюю и внешнюю политику Ф. Рузвельта и демократической партии. К настоящему времени вышли три тома капитальной работы «Эпоха Рузвельта»²⁸. Здесь Шлезингер продолжает намеченную еще в «Эпохе Джексона» линию сочетания исследования отдельных проблем, поисков широкой документальной базы для обоснования своих воззрений с разработкой методологических вопросов.

Метод анализа Шлезингера в своей основе сводится к целостному охвату исторических событий. Шлезингер как бы располагает в горизонтальный ряд все, по его мнению, сколько-нибудь значительные группы общества и пытается проанализировать их синхронное функционирование в данный исторический период. Однако этот метод, уместный при анализе частных проблем, оказывается бессильным охватить общественный процесс во всей его совокупности, поскольку акцент при таком подходе делается не на объективные социально-экономические предпосылки, а на то, как те или иные части общества, пусть даже в их взаимодействии друг с другом, функционируют в определенный исторический момент.

Согласно Шлезингеру, «новый курс» представлял собой наступление очередного (после популистско-прогрессивистского) либерального цикла, пришедшего на смену консервативному, совпавшему с периодом пребывания у власти республиканской партии. Основная задача «нового курса», по Шлезингеру, заключалась в установлении «контроля над процессом концентрации производства» для достижения «общественного благосостояния». «Люди 1933 г., — пишет он, — были убеждены в том, что в современном индустриальном обществе проблемы соотношения цен — заработной платы — прибылей и размещения ресурсов нельзя оставлять на самотек. По их мнению, эти проблемы можно разрешить лишь посредством значительной интеграции частного и общественного планирования. Они пытались создать институциональные средства ассоциации бизнеса, труда и капитала в этом процессе»²⁹. Под бизнесом он подразумевает только крупные корпорации, в группу труда включает все остальные социальные группы, правительству же отводит роль арбитра между ними.

Идея «ассоциации», о которой говорит Шлезингер, представляет собой отражение объективно развивающегося процесса слияния капиталистических монополий с государством и формирования государственно-монополистического капитализма, начавшегося еще в начале XX в. Этот процесс прежде всего характеризуется усилением роли государства во всех сферах общественной жизни страны. Однако, говоря о расширении полномочий федерального правительства, об усилении значения президента в решении общенациональных вопросов, Шлезингер непомерно преувеличивает роль Ф. Рузвельта, рассматривает его как «великого лидера», воплотившего в себе «достоинства наиболее видных президентов Америки». Рузвельт, по Шлезингеру, был наиболее близок к идеальному выражению воли всей нации, не разделяемой на классы, группы и особые интересы. Поэтому он мог якобы комбинировать самые, казалось бы, непримиримые идеи: «кооперирование» и «децентрализацию», «национализм» и «интернационализм»³⁰. Синтезировав дух идей «нового национализма» Т. Рузвельта и «новой свободы» В. Вильсона, он сумел «превратить правительство в эффективный инструмент народа»³¹.

Было бы, однако, неверно утверждать, что Шлезингер приписывает возникновение «нового курса» лишь одному Рузвельту, выразившему насущные нужды эпохи. Согласно его логике, Рузвельт не имел бы успеха в деле претворения в жизнь своих идей, если бы не «революция» в общественном сознании, которая, как полагает автор, была вызвана недовольством узкой группы интеллектуалов преобладанием в стране в период правления республиканских администраций К. Кулиджа и Г. Гувера ценностей бизне-

²⁸ A. M. Schlesinger, Jr. The Age of Roosevelt, vol. I. The Crisis of the Old Order. Boston, 1957; vol. II. The Coming of the New Deal. Boston, 1958; vol. III. The Politics of Upheaval. Boston, 1960.

²⁹ A. M. Schlesinger, Jr. The Politics of Upheaval, p. 383—384.

³⁰ A. M. Schlesinger, Jr. The Coming of the New Deal, p. 193—194.

³¹ A. M. Schlesinger, Jr. The Crisis of the Old Order, p. 483—484.

са, пренебрежительным отношением к моральным ценностям. Эти интеллектуалы, по Шлезингеру, убедились, что период «просперити» 20-х годов и последовавший за ним экономический кризис породили новые проблемы, решение которых было под силу лишь энергичному руководителю. Такого руководителя они нашли в лице Ф. Рузвельта.

При этом Шлезингер утверждает, будто Рузвельт пришел к власти с вполне сложившейся философской доктриной и программой мероприятий, которые были просто приложены к конкретным областям экономики и политики страны. В действительности же философия либерализма в период «нового курса» включала в себя самые противоречивые идеи, отражавшие положение различных групп, хотя в целом все они сходились в признании необходимости активного использования федерального правительства для проведения предлагавшихся ими мероприятий. Далее, идея использования государственной власти претворялась в жизнь в острейшей борьбе не только между ее сторонниками и противниками «нового курса», но и внутри самих сторонников, отражавших интересы различных групп, что не могло не сказаться на политике правительства. Кроме того, сам Рузвельт, будучи в принципе сторонником государственного регулирования экономики и общественной жизни, конкретно не представлял себе, как оно будет претворяться в жизнь на различных этапах преодоления экономического кризиса.

Необходимость для капитализма проведенных Рузвельтом мероприятий, обусловленных в конечном счете дальнейшим обобществлением процессов производства, обострением основного противоречия капитализма, была с неумолимой категоричностью поставлена на повестку дня разрушительным кризисом 1929—1933 гг. Что касается роли Ф. Рузвельта — одного из наиболее дальновидных государственных деятелей США — в проведении этих преобразований, то в его лице американская буржуазия как класс нашла талантливую выразительницу ее воли, и вся его деятельность на постах губернатора штата Нью-Йорк и президента страны служит наглядной иллюстрацией того, что во всех основных вопросах государственной политики он руководствовался интересами представляемого им класса буржуазии. Только исходя из этого, а не из надклассовой природы рузвельтовских нововведений, как это пытается представить Шлезингер, можно понять сущность «нового курса».

В «новом курсе» различают две фазы. Советские историки рассматривают их как два этапа в осуществлении единого комплекса разнообразных мероприятий, в конечном счете приведших к значительному усилению роли государства в решении экономических, социальных и политических проблем страны. Если в первый период (1933—1935 гг.) были проведены мероприятия, которые в основном имели целью восстановление и стабилизацию дезорганизованной кризисом экономики, то мероприятия второй фазы (1935—1937 гг.) преследовали главным образом проведение социальных мер. Шлезингер же переход от первой фазы ко второй изображает как коренной поворот в политике администрации Ф. Рузвельта.

По его мнению, в основе первой фазы «нового курса» лежала идея, согласно которой «технологическая революция сделала неизбежным укрепление производства». Принцип «твердого индивидуализма» больше не служил интересам общества и основой стабильности государства стала «кооперация» под контролем расширенной федеральной власти. При этом Шлезингер утверждает, что Ф. Рузвельт сумел достичь национального единства и «социальный конфликт» в годы кризиса исчез из общественной-политической жизни Америки. Но вслед за «шоком кризиса», пишет Шлезингер, поразившим апатично к политическим вопросам, США пережили и «шок нового курса», который восстановил в американском народе «воодушевление и энергию» и ознаменовал собой период «инициативы и деятельности». Люди, объединившие свои усилия в 1933 г. для преодоления кризиса, к 1935 г. снова приобрели энергию уже для борьбы между собой, вследствие чего основным фактором общественной жизни США вновь становится «борьба программ и идей». В этих условиях принцип государственного планирования, который был основой первого периода «нового курса», оказался непригодным, что, в свою очередь, создало необходимость возрождения принципа «свободной конкуренции» времен В. Вильсона, дополненного принципом «косвенного планирования» Дж. М. Кейнса³².

³² A. M. Schlesinger, Jr. The Politics of Upheaval, p. 396—397.

Здесь Шлезингер умаляет значение того важнейшего факта, что свободное предпринимательство, за восстановление которого якобы выступали приверженцы «косвенного планирования», вовсе не было упразднено «прямым планированием» в первый период «нового курса», хотя частная инициатива и была ограничена. Ни о каком «государствлении» экономики не могло быть и речи. Доказательством тому является отказ Рузвельта национализировать частные банки. Говорить об ущемлении правительством «свободной конкуренции» можно только с существенными оговорками. Ведь к этому времени основной тон в экономической жизни задавала не борьба между отдельными предприятиями, а монополистическая конкуренция. Миллиардные правительственные инъекции в частную промышленность и после отказа от «прямого регулирования» оставались существенным условием сохранения ее жизнеспособности, так что с переходом к так называемому косвенному планированию ее зависимость от правительственных ассигнований едва ли уменьшилась. И «прямое», и «косвенное» планирование по своей сущности были явлениями одного порядка, призванными сохранить и обеспечить жизнеспособность капиталистической экономики, основывающейся на принципах частной собственности. Поэтому утверждение Шлезингера о «коренном повороте», имевшем место в политике администрации Ф. Рузвельта в 1935 г., явно несостоятельно. Не выдерживает критики и тезис Шлезингера об отсутствии в первый период «нового курса» серьезных конфликтов и их возрождении к 1935 г. в результате мероприятий Рузвельта, якобы восстановивших способность американцев к активной политической деятельности. Ведь борьба американского рабочего класса против монополий и капиталистического гнета не утихла ни на один день с самого начала кризиса.

Что же касается мер администрации Рузвельта в области социального законодательства летом 1935 г., то при этом необходимо учитывать, что закон Вагнера был усиленным вариантом раздела 7а закона о восстановлении промышленности, а закон о социальном страховании представлял собой воплощение в жизнь требований, выдвигавшихся широкими слоями трудящихся во главе с коммунистической партией задолго до его принятия. Мотивы, побудившие организаторов «нового курса» пойти на определенные уступки трудящимся, убедительно вскрыты советскими историками, занимающимися проблемами рассматриваемого периода³³. Администрация Рузвельта согласилась на проведение социального законодательства лишь после того, как она окончательно убедилась в невозможности посредством своих экономических мероприятий обеспечить работой значительную часть безработных. Этот сдвиг влево, происшедший в политике «нового курса» в 1935 г., был прямым следствием многолетней борьбы рабочего класса и всех трудящихся США за свои жизненные интересы.

В целом мероприятия Рузвельта, проведенные в течение так называемых двух периодов «нового курса», в действительности представляли собой шаг в сторону государственно-монополистического регулирования хозяйственной жизни капиталистического общества посредством внедрения принципов государственного контроля и элементов планирования в масштабах всей экономики³⁴.

Многие буржуазные исследователи, особенно «новые левые», подвергли обоснованной критике выводы Шлезингера и других неолиберальных историков, описывающих достижения администрации Рузвельта в радужных тонах. Они приходят к выводу, что, вопреки утверждениям Шлезингера, Рузвельт не только не ставил перед собой цель подорвать позиции большого бизнеса, но, наоборот, осуществленные им мероприятия способствовали их укреплению³⁵. Некоторые историки обращают внимание на то, что «новый курс» фактически не смог разрешить фундаментальных проблем, стоявших перед американским обществом в 30-е годы. Так, У. Лейхтенберг подчеркивает, что «новый курс» показал неспособность «достичь процветания в мирное время». По его мнению, «новый курс» усилил власть привилегированных групп общества... представляв-

³³ См. Н. В. С и в а ч е в. Политическая борьба в США в середине 30-х годов XX в. М., 1966; В. Л. М а л ь к о в. «Новый курс» в США. Социальные движения и социальная политика; В. Л. М а л ь к о в, Д. Г. Н а д ж а ф о в. Америка на перепутье. М., 1967, и др.

³⁴ См. В. Л. М а л ь к о в, Д. Г. Н а д ж а ф о в. Указ. соч., стр. 210.

³⁵ E. H a w l e y. The New Deal and the Problem of Monopoly. A Study in Economic Ambivalence. Princeton, 1966; P. C o n k i n. The New Deal: The Conservative Achievements of Liberal Reform.— «Towards a New Past». Ed. by B. J. Bernstein. New York, 1968; A. S h o n f i e l d. Modern Capitalism. New York, 1965.

ших подчас лишь меньшинство нации... Возвысив различные группы буржуазии,— продолжает Лейхтенберг,— новый курс оставил в стороне... многих американцев — издольщиков, обитателей трущоб и большую часть негров»³⁶.

Существенное место в творчестве Шлезингера-младшего занимает серия статей, написанных в 50-е годы. Часть из них вошла в изданный в 1963 г. сборник «Политика надежды», а другая часть разбросана по различным изданиям периодической печати. Эти статьи, в которых излагаются основные положения историко-философской системы Шлезингера, особенно важны для выяснения и понимания трансформации его взглядов в сторону умаления роли действительных социально-экономических конфликтов в американском обществе и подчеркивания его единства.

В основу американской демократии, отмечает Шлезингер, положен принцип борьбы различных конкурирующих между собой групп за контроль над государственной властью, которая в конечном счете выражается в форме борьбы консерватизма и либерализма. В ходе этой борьбы либерализм и консерватизм циклически заменяют друг друга у власти: либерализм производит изменения в рамках существующей системы, а консерватизм закрепляет те перемены, которые были проведены в фазе либерализма, в силу чего они дополняют друг друга. Таких циклов в истории США Шлезингер-отец насчитывал 11³⁷. Шлезингер-младший прибавляет к ним еще два цикла: победа консерватизма с приходом к власти республиканской партии в 1952 г. и смена правительства в 1960 г., когда в Белый дом пришел Дж. Ф. Кеннеди, представлявший демократическую партию и либерализм. Конструирование процесса циклической смены либерализма и консерватизма понадобилось Шлезингеру для того, чтобы сделать антиисторический вывод: американской системе якобы чужды глубокие социальные конфликты. Соглашаясь с выводами ведущего представителя так называемой «консенсусной» школы в историографии США Л. Харца, Шлезингер пишет: «Американская политическая традиция по своей сущности базировалась на либеральном согласии»³⁸. Признавая существование «резких различий между Т. Джефферсоном и А. Гамильтоном, Э. Джексон и Д. Уэбстером, У. Дж. Брайаном и У. Маккинли, Ф. Рузвельтом и Г. Гувером», он в то же время говорит об их единстве в «фундаментальных вопросах», которое, по его мнению, «объясняется отсутствием глубоких различий в принципах американского общества». При этом, утверждает Шлезингер, «конфликт в рамках либерального согласия составлял один из источников творческого начала и прогресса в американской истории». Но как рассматривать в этом случае американскую революцию? Здесь он солидаризируется с неоконсервативными историками в утверждении, будто она имела «своей целью прежде всего национальную независимость, а не социальные перемены»³⁹.

Однако американская буржуазная революция XVIII в. была призвана решать не только задачи освобождения 13 североамериканских колоний от британского владычества и создания нового независимого государства, но и задачи установления буржуазной демократии. Революционный характер ее сказался также в том, что она послужила тем «архимедовым рычагом», который значительно ускорил экономическое и социальное развитие страны. Однако в дальнейшем правящие круги Америки предали забвению те идеи свободы и равенства людей, под лозунгом которых американцы боролись против британских войск. Более того, эти идеи часто использовались господствующим классом США в реакционных, антикоммунистических целях. Так, война во Вьетнаме велась Соединенными Штатами Америки под лозунгами защиты демократии, свободы, прав человека. Однако они обернулись самой варварской агрессией, откровенным геноцидом, циничным попранием всех норм человечности, демократии, свободы и прав человека.

Шлезингер верно подметил тот факт, что между консерватизмом и либерализмом действительно существовало много точек соприкосновения: и тот, и другой на всех этапах развития капитализма руководствовались соображениями сохранения и укрепления буржуазного государства. Возможно, позволительно говорить о «бесконфликт-

³⁶ W. Leuchtenberg. Franklin D. Roosevelt and the New Deal. 1932—1940. New York, 1963, p. 346.

³⁷ A. M. Schlesinger, Sr. Paths to the Present, p. 96.

³⁸ A. M. Schlesinger, Jr. The Politics of Hope. Boston, 1963, p. 64.

³⁹ Ibid., p. 63, 65.

... является американской истории, если, как Шлезингер, рассматривать ее лишь в терминах взаимодействия либерализма и консерватизма, которые блокировались друг с другом, когда речь шла об угрозе устоям этого государства со стороны широкого фермерского, рабочего и социалистического движений, получивших, в частности, особую большую размах с конца XIX — начала XX в. Однако ведущее противоречие американского общества составляет не борьба между либерализмом и консерватизмом, а между ними, т. е. между монополистической буржуазией, с одной стороны, и народными движениями — рабочим классом, фермерством, отдельными группами интеллигенции — с другой.

Далее. Реакция является атрибутом не только феодализма, как это хочет представить Шлезингер, подчеркивающий отсутствие в Америке феодальной традиции. В условиях капитализма реакция принимает не менее резкие формы. Доказательств этому в американской истории можно найти не меньше, чем в «феодальных» западноевропейских странах. «Охота на красных» либерала Пальмера и «обезьяньи процессы», духовным руководителем которых выступал некогда вождь либералов Брайан, движения фашиствующего отца Кофлина и Хью Лонга, зловещая фигура Маккарти составляет далеко не полный перечень (причем только в новейшей истории США) примеров, когда реакция становилась серьезной угрозой буржуазной демократии.

Как отмечает сам Шлезингер, упомянутые статьи написаны либералом 50-х годов, недовольным пребыванием у власти республиканцев, которые рассматривали существующее положение вещей как «кульминационное достижение американского эксперимента». Шлезингер же, напротив, считал, что Америка еще не разрешила свои проблемы и поэтому не следует предаваться самоуспокоенности. В 1960 г., накануне президентских выборов, Шлезингер настойчиво подчеркивал, что «атмосфера, преобладавшая в стране в течение последнего десятилетия... больше не соответствует нашим желаниям и потребностям как единого народа; что новые силы, новая энергия, новые ценности стремятся к самовыражению и высвобождению». Время Эйзенхауэра — время «пассивности и молчаливого согласия» — приходит к концу. Поэтому, утверждает Шлезингер, мы нуждаемся в переоценке «наших целей», «национальных приоритетов», «национальных ценностей». В каком же направлении, по Шлезингеру, должна идти эта переориентация? Если основным признаком общественной жизни США 50-х годов была «вера в священность частных интересов», то в 60-е годы должна «возродиться вера в превосходство общественных интересов над частными; вместе с тем надо признать, что частные и общественные интересы часто вступают в резкие конфликты». Сам Шлезингер выступал за подчинение частных интересов общественным в рамках «государства социального благосостояния»⁴⁰.

В ходе подготовки и проведения президентских выборов 1960 г. Шлезингер активно поддерживал Кеннеди, который, по его мнению, являлся наиболее последовательным выразителем этих идей⁴¹. Шлезингер был одним из интеллектуалов либерального толка, сформулировавших предвыборную программу «новых рубежей». После вступления Кеннеди в должность Шлезингер ушел из Колумбийского университета и переключился на политическую деятельность в качестве специального советника президента.

В конце 50 — начале 60-х годов Шлезингер разрабатывает политический аспект своей историко-философской системы. Теперь идеи о «жизненном центре», об элите, призванной осуществить моральное и политическое руководство народом, которые были высказаны в 1949 г., облекаются в более конкретную форму. Так, в статье «О героическом руководстве и дилемма сильных людей и слабого народа», написанной накануне президентских выборов 1960 г., он попытался обосновать мысль о необходимости передачи власти в стране в руки сильного человека⁴². Шлезингер подчеркивал мысль (высказанную еще Ф. Рузвельтом) о том, что «большинство великих свершений» было осуществлено «руководителями исполнительного органа» власти — президентами. Причем институт президентства у Шлезингера вслед за Ф. Рузвельтом оказывается не просто «административным учреждением», а «прежде всего местом морального руководст-

⁴⁰ Ibid., p. 68, 81.

⁴¹ A. M. Schlesinger, Jr. Kennedy or Nixon: Does It Make Any Difference? New York, 1960.

⁴² A. M. Schlesinger, Jr. The Politics of Hope, p. 6, 21.

ва»⁴³. Таким образом, направление, ход, результаты общественно-исторического процесса определяются отдельными «личностями», которые, по его мнению, стоят выше всяких классовых, групповых или иных интересов, якобы воплощают в себе единую волю всей американской нации. Очевидно, что в этих идеях нашли отражение некоторые существенные тенденции общественного развития на современном этапе в странах развитого капитализма, особенно в США, в направлении централизации и концентрации экономической и политической власти в руках государства и бюрократического аппарата, представляющих интересы монополистической буржуазии и государственно-монополистического капитализма. Шлезингер видит в такой концентрации неизбежный и естественный результат индустриализации, развития техники в современном обществе, что, по его мнению, предполагает постепенное отчуждение простого человека от процесса управления и его монополизацию компетентной, ответственной элитой (аристократией), составляющей независимую от общества надклассовую силу.

Неправомерность такого подхода к роли власти в современном капиталистическом обществе ясна. Действительно, в современном буржуазном обществе характер и направление всей внутренней и внешней политики страны, всех важнейших политических решений, влияющих на судьбу миллионов людей, определяются узкой группой правящей элиты, управление становится прерогативой незначительного меньшинства. Но ведь сама эта элита в лице руководителей основных политических партий, высших специалистов, верхнего эшелона государственно-бюрократического аппарата непосредственно смыкается с финансовой олигархией, крупным капиталом и всецело стоит на службе интересов государственно-монополистического капитализма, крупной монополистической буржуазии. Концентрация власти в руках узкой группы правящей элиты на всех уровнях общественной жизни Америки настолько очевидный факт, что ее реальность вынужден признать широкий круг буржуазных идеологов самых различных направлений. Развенчивая идею «демократии держателей акций», вполне респектабельный буржуазный историк Т. Кохрэн, например, отмечал, что у руководителей американского бизнеса никогда не возникало сомнений относительно «автократических прав собственности», что «демократия держателей акций редко функционировала, если она вообще функционировала», поскольку совет директоров корпораций, который превратился в «самовоспроизводящее правление», осуществляет «абсолютную власть» над всем, что касается корпорации⁴⁴. Поэтому неудивительно, что ряд буржуазных исследователей показал несостоятельность рассуждений о надклассовом характере правящей элиты⁴⁵.

После убийства президента Кеннеди в 1963 г. Шлезингер выступил с книгой «Тысяча дней», которая имела целью оправдать и исторически и политически обосновать мероприятия администрации Кеннеди преимущественно в области внешней политики⁴⁶. Книга, получившая, как и несколько других его работ, премию Пулитцера, во многом носит мемуарный характер и представляет особый интерес как свидетельство очевидца и активного участника политических баталий США в начале 60-х годов. В этом отношении книга Шлезингера стоит в одном ряду с работами других сподвижников Дж. Кеннеди — Т. Соренсена, П. Сэлинджера, Дж. Гэлбрейта и др. Шлезингер часто подает события в исследовательском плане, привлекая весьма широкий круг опубликованных и неопубликованных материалов.

Схема исторического процесса, представленного в этой книге, дополняет во времени отношения схему, уже сформулированную в его предыдущих работах. Здесь он оперирует теми же доводами, что и при рассмотрении «нового курса». Для Шлезингера период президентства Кеннеди — это очередной либеральный пикл, приближенный к смене консерватизму республиканцев. Программу «новых рубежей» Кеннеди он изображает как прямое продолжение «нового курса». В период президентства Дж. Кен-

⁴³ Ibid., p. 9.

⁴⁴ Th. Cochran. History and Cultural Crisis. — «American Historical Review», vol. 78, № 1, 1973, p. 4.

⁴⁵ P. Миллс. Властвующая элита. М., 1959; P. Bachrach, M. Baritz. Two Faces of Power. — «American Political Science Review», vol. 56, December 1962; K. Prewitt, A. Stoner. The Ruling Elite. New York, 1973.

⁴⁶ A. M. Schlesinger, Jr. The Thousand Days. Boston, 1965. После гибели Дж. Ф. Кеннеди А. М. Шлезингер-младший ушел из Белого дома и с тех пор является профессором Нью-Йоркского городского университета.

...и во Шлезингера, все начинания Ф. Рузвельта получили дальнейшее развитие, и в ~~этом отношении~~ его вступление в Белый дом явилось высшим этапом слияния «власти» и «интеллекта»⁴⁷. В действительности политику Дж. Кеннеди можно охарактеризовать как более высокую ступень слияния государства и монополий, правительства и военно-промышленного комплекса в условиях научно-технической революции. Да, Кеннеди пытался привлечь на свою сторону лучшие умы страны. В формулировании его идейно-политических программ приняли участие ряд ведущих деятелей интеллектуального мира США. При этом, помимо стремления нажить себе капитал в качестве покровителя науки и искусства, Кеннеди преследовал цель использовать их для поисков наиболее рациональных путей укрепления устоев американского капитализма, обеспечения господства монополистической буржуазии с наименьшими издержками. Во многом именно этим определялся более реалистический подход Кеннеди и его сторонников к решению внешнеполитических проблем.

В последние годы ряд американских буржуазных исследователей подвергли взгляды Шлезингера на место и роль Дж. Кеннеди в истории США резкой — и часто обобщенной — критике. Л. Фитцсаймонс подчеркивает тот факт, что хотя в своей инаугурационной речи Кеннеди апеллировал к «революционному наследию Америки», во время его администрации США превратились в «самую решительную защитницу... статус-кво» и «самую действенную контрреволюционную силу в мире». По ее словам, политика Кеннеди, как и его предшественников, базировалась на идеях «холодной войны». Его заслуга состояла лишь в том, что он использовал новые формы и средства осуществления этих идей⁴⁸. По мнению Д. Халбертсама, став президентом, Кеннеди отказался от своих либеральных установок. Халбертсам высказывает мысль, что Шлезингер понял это, но тем не менее по причинам субъективного характера изобразил Кеннеди как либерала и интеллектуала⁴⁹.

Значительное место в творчестве Шлезингера занимают статьи, посвященные проблемам исторической науки, основная часть которых написана в 60-х годах. Для Шлезингера разработка этих проблем приобрела особую важность, поскольку он писал о тех событиях американской истории, в которых сам принимал активное участие. Поэтому противники не без основания обвиняли его в отсутствии объективности, в том, что его работы направлены на апологию политики демократической партии. Они упрекали Шлезингера в том, что своей «Эпохой Джексона» он голосовал за Ф. Рузвельта, а «Эпохой Рузвельта» — за Стивенсона и Кеннеди. В этих статьях Шлезингер развивает идею об «историке — участнике описываемых событий». Настоятельная необходимость написания истории в современную эпоху исследователем, который сам является участником этой истории, согласно Шлезингеру, обуславливается двумя факторами. Во-первых, ускорение течения исторических событий в результате научно-технической революции поставило перед обществом проблему быстрого объяснения этих событий и общественной политики, которая стала частью истории. Во-вторых, в современную эпоху официальные рукописные собрания становятся доступны историкам намного быстрее, чем раньше. Прецедент этому установил Ф. Рузвельт, оставивший свое рукописное наследие Национальному архиву. Его примеру последовали другие президенты США. В силу этих факторов, отмечает Шлезингер, древнее высказывание о том, что «истина — дочь времени», потеряло свою верность, ибо время не освобождает историка от его убеждений, в соответствии с которыми он пишет свои работы⁵⁰. Однако Шлезингер оставляет право иметь свои ценности и убеждения только за «плюралистами», т. е. теми, кто отвергает принципы историко-материалистического монизма и в основу исследования кладет множество часто противоположных друг другу подходов. «Монистические и детерминистические видения истории... неверны, — пишет он. — ... Чувство истории, достигнутое великими американскими лидерами нашего века, основано на вере в важность существования выбора и плюрализме существования»⁵¹.

⁴⁷ A. M. Schlesinger, Jr. The Thousand Days, p. 210, 214.

⁴⁸ L. Fitzsimons. The Kennedy Doctrine. New York, 1972, p. 8.

⁴⁹ D. Halbertsam. The Best and the Brightest. New York, 1973, p. 49.

⁵⁰ A. M. Schlesinger, Jr. On the Writing of Contemporary History. — «Atlantic Monthly», March 1967, p. 70.

⁵¹ A. M. Schlesinger, Jr. The Historian and History. — «Foreign Affairs», vol. 41, № 8, 1963, p. 492.

Такой подход Шлезингера к исторической науке, при котором на первый план выдвигаются принципы крайнего плюрализма и релятивизма, дает широкий простор для «конструирования» любых «исторических схем», созвучных политическому кредо того или иного историка. Как отмечал В. И. Ленин, «положить релятивизм в основу теории познания, значит неизбежно осудить себя либо на абсолютный скептицизм, агностицизм и софистику, либо на субъективизм. Релятивизм, как основа теории познания, есть не только признак относительности наших знаний, но и отрицание какой бы то ни было объективной, независимо от человечества существующей, мерки или модели, к которой приближается наше относительное познание»⁵².

Конечно, историк во всех отношениях неразрывно связан со своим временем. Общезвестна и многомерность, многозначность исторических явлений, обусловленных целым комплексом разнообразных факторов, равно как и сложность охвата всех этих факторов одновременно. Однако это вовсе не означает, что можно отказаться от истории как науки, призванной познавать законы развития человеческого общества, объективно воспроизводить прошлое. Современное историку общество не какая-то самодовлеющая, статичная, вневременная механистическая система, в которой функционируют различные, независимые друг от друга процессы, а система, которая органически вырастает из предшествующих этапов общественной эволюции и в силу этого представляет момент движения, момент перехода к будущей общественной системе. При всем разнообразии изучаемых явлений и событий историк не может терять из поля зрения скрывающийся за ними материальный процесс, составляющий основу общественного развития и связывающий прошлое, настоящее и будущее. Изучаемые историком явления при всем их многообразии и противоречивости суть проявления той или иной стороны этого процесса. И материалистическая диалектика включает в себя это многообразие, но ни в коей мере не сводится к релятивизму, т. е. она «признает относительность всех наших знаний не в смысле отрицания объективной истины, а в смысле исторической условности пределов приближения наших знаний к этой истине»⁵³.

Исторические взгляды Шлезингера со времени написания им «Эпохи Джексона», которая продолжала традиции «прогрессивистской» историографии, претерпели существенную трансформацию в сторону подчеркивания «мирного», «бесконфликтного» характера общественно-исторического процесса в США. Эта тенденция, в частности, нашла отражение в идее о «конце» идеологии, которую Шлезингер, как и многие деятели либерализма, проповедовал в начале 60-х годов. По его мнению, «конец» идеологии обусловливался «исчезновением» в США после второй мировой войны противостоящих друг другу классов — этих носителей противоположных интересов и идеологий, порождающих социальные конфликты и классовую борьбу, — и появлением здесь однородного демократического общества «среднего класса». Эта тенденция отчетливо обнаружилась и в его попытках пересмотреть отдельные идеи, высказанные им в начале его творческого пути. Так, в 1966 г. в интервью английскому журналисту Генри Брэндону он заявил, что во многих отношениях книга «Эпоха Джексона» по своему характеру была «партийной». Далее он говорил Брэндону о своем намерении написать новую книгу под названием «Снова эпоха Джексона», которая будет посвящена ревизии проблем, рассмотренных в книге 1945 г.⁵⁴ В этом отношении интерес представляет также отмеченный американским историком Арно Мейером факт пересмотра отдельных положений книги «Жизненный центр»⁵⁵. В 1949 г. Шлезингер еще посылал громы и молнии в адрес большого бизнеса. В предисловии же к изданию этой работы в 1962 г. он отметил: «Если бы я написал эту книгу в настоящее время, я бы сделал более сильное ударение на то, что американские бизнесмены разделяют с американскими либералами веру в свободное общество. Теперь я в большей степени, чем тогда (в 1949 г.), убежден в наличии у бизнесменов, заботившихся о проблемах общественной политики, благоразумия и ответственности. Боюсь, что в то время я позволил себе поддаться влиянию крайних вычурных

⁵² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 139.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Цит. по: «Pastmasters. Some Essays on American Historians», p. 353.

⁵⁵ A. J. M a y e r. Note on the Pitfalls of Wearing Multiple Hats. — «American Historical Association Newsletter», vol. 9, № 1, January 1971.

Середину 60-х годов во многих отношениях можно считать переломным периодом в творческой и идейно-политической жизни Шлезингера-младшего. Затяжной социально-политический кризис, охвативший все сферы общественной жизни США, могучим катализатором которого послужили интервенция США во Вьетнаме, а также левое молодежное и студенческое движение заставили Шлезингера пересмотреть многие из тех идей, которые он разрабатывал и отстаивал в течение десятилетий. Он сознает тот факт, что «фундаментальное согласие» между всеми американцами, о котором он так настойчиво говорил в 50 — начале 60-х годов, не соответствует действительности.

Характерно, что в важнейшем вопросе о войне во Вьетнаме, расколовшем страну на два лагеря, сам Шлезингер оказался в оппозиции к политике правительства, возглавляемого демократом Л. Джонсоном. Однако в книге, написанной в ответ на острые дискуссии о путях решения вьетнамской проблемы, Шлезингер выступал с умеренных позиций, отвергая предложения тех дальновидных буржуазных политических деятелей США, которые говорили о необходимости немедленного прекращения войны и вывода войск из Вьетнама. «К лучшему или к худшему, — писал Шлезингер, — но мы уже находимся там, и нам следует считаться с существующим положением. Неосмотрительный вывод наших войск в настоящее время может вызвать грозные последствия по всей Азии»⁵⁹. Он предлагал постепенное прекращение военных действий с последующей нейтрализацией Вьетнама. Приписывая кровавые эксцессы полумиллионной армии агрессоров во Вьетнаме ошибкам и недальновидности некоторых руководителей американской политики⁶⁰, Шлезингер везчески затушевывает империалистическую сущность политики США в Юго-Восточной Азии.

В условиях дальнейшего обострения внутривнутриполитической жизни страны в конце 60-х годов Шлезингер приходит к выводу, что война во Вьетнаме — лишь одно из проявлений глубокого недуга, охватившего американское общество. Он заявляет, что для восстановления единства американского народа необходимо не только разрешить «вьетнамский конфликт», но и преодолеть внутренний раскол, достичь «примирения рас». В этот период Шлезингер возлагает большие надежды на избрание президентом США Роберта Кеннеди, в лице которого он видит человека, призванного вывести Америку из трясины кризиса, поглощающего все больше материальных, интеллектуальных и моральных сил народа. В 1968 г. он активно включается в предвыборную борьбу на стороне Р. Кеннеди, участвует в составлении и пропаганде его политической программы. «Узы, связывающие наше общество, — пишет он в статье, специально написанной в поддержку кандидатуры Р. Кеннеди на пост президента, — действительно стали хрупкими. Они станут еще более слабыми в течение следующих четырех лет, ес-

⁵⁶ A. M. Schlesinger, Jr. The Vital Center: The Politics of Freedom. Boston, 1962, p. X.

⁵⁷ A. M. Schlesinger, Jr. The New Conservatism: The Politics of Conservatism. — «Reporter», vol. 12, 12.VI.1955, p. 11; е г о ж е. The New Conservatism in America: A Liberal Comment. — «Confluence», vol. 2, December 1953, p. 68; е г о ж е. The Politics of Hope.

⁵⁸ K. M c N a u g h t. American Progressives and the Great Society. — «Journal of American History», vol. 53, December 1966, p. 504—520; M. M o r t o n. The Terrors of Ideological Politics. Liberal Historians in a Conservative Mood. Cleveland — London, 1972, p. 27—44.

⁵⁹ A. M. Schlesinger, Jr. The Bitter Heritage. London, 1967, p. 9; е г о ж е. A Middle Way out of Vietnam. — «The New York Times Magazine», 18.IX.1966, p. 47—48.

⁶⁰ A. M. Schlesinger, Jr. The Imperial Presidency. Boston, 1973, p. 448; е г о ж е. Eyeless in Indochina. — «New York Review of Books», 21.X.1971.

ли мы не выберем следующим нашим президентом человека, который уже полностью отождествлял себя с борьбой за... дело обездоленных. Борьба за возвращение всех наших сограждан в единое национальное сообщество является, несомненно, самой важной проблемой нашей внутренней политики»⁶¹.

Шлезингер явно идеализировал Р. Кеннеди как политика, который будто бы служил не классовым интересам американской буржуазии, а всему народу. Он игнорировал тот факт, что Р. Кеннеди, как и другие видные политические деятели из «клана Кеннеди», шел на определенные уступки трудящимся массам постольку, поскольку это было в классовых интересах крупного капитала, в интересах сохранения и укрепления существующей капиталистической системы.

Убийство Р. Кеннеди заставило Шлезингера высказать довольно резкие суждения о характере американского общества. Он написал две книги и ряд статей, где пытается анализировать причины разгула насилия в США, жертвами которого стали видные политические и общественные деятели страны. «Среди великих держав,— с горечью констатирует Шлезингер,— в 60-е годы только американцы ... сделали убийство важнейшим инструментом внутренней политики»⁶². «Насилие как американский образ жизни», «насилие как американская традиция» — такие предельно лаконичные и в то же время верно отражающие суть проблемы названия предпосылает он отдельным главам своих книг. «Насилие становится центральным фактором в американском социальном процессе»⁶³, — с тревогой предупреждает Шлезингер — буржуазный идеолог, который в течение нескольких десятилетий не жалел ни сил, ни энергии, ни красок для защиты и оправдания той системы, пороки которой он теперь критикует.

Шлезингер понимает, что насилие 60-х годов вовсе не изолированное явление в американской истории. «В конце концов,— пишет он,— мы начали как народ, который уничтожил индейцев и превратил в рабство негров». Более того, утверждает он, насилие не ограничивалось одними индейцами и неграми. Он признает, что «первое столетие после завоевания (Америкой) независимости явилось периодом неразборчивого насилия — войн, восстаний рабов, борьбы против индейцев, городских выступлений, убийств, дуэлей, избиений»⁶⁴. Все это дало Шлезингеру основание говорить о «черном сердце американской истории»⁶⁵. Но тем не менее, утверждает Шлезингер, до сих пор американцы были убеждены в том, что руководители страны, ее «моральные, психологические и экономические ресурсы» в состоянии встретить любой вызов и разрешить любую проблему. Теперь же, по его словам, «события выходят из-под нашего контроля... Мы переживаем двойной кризис — кризис нашего внутреннего характера как нации и кризис отношений между Америкой и остальным миром». Поэтому, заявляет Шлезингер, наступило время для «переоценки наших институтов»⁶⁶.

Картина глубокого недуга, поразившего современное американское общество, которую нарисовал Шлезингер, во многом убедительна. Однако автор ее больше увлекается описанием симптомов болезни, нежели выяснением ее причин. Он решительно отказывается видеть корни насилия в природе самой капиталистической системы. Как преданный сторонник демократической партии, он склонен обвинять во всех бедах, обрушившихся на США в 60-е годы, республиканцев. Так, одной из главных причин «острого внутреннего кризиса, в котором Америка находится сегодня», он считает «неудачу национального правительства в 1950-х годах». Если бы, говорит он, Эйзенхауэр предпринял шаги к разрешению проблем расовой справедливости, городов и бедности, то можно было бы избежать многих конфликтов 60-х годов⁶⁷. Здесь Шлезингер фактически проводит мысль, будто описанный им кризис — это не кризис основ социально-политической системы Америки, а всего лишь кризис политики отдельных деятелей, неспособных понять действительные проблемы и потребности Америки. Комментария

⁶¹ A. M. Schlesinger, Jr. Why I am for Kennedy? — «The New Republic», 4.V.1968, p. 21.

⁶² A. M. Schlesinger, Jr. Violence: America in the Sixties. New York, 1968. p. 20.

⁶³ A. M. Schlesinger, Jr. The Crisis of Confidence. New York, 1969. p. 2, X.

⁶⁴ Ibid., p. 10, 13.

⁶⁵ A. M. Schlesinger, Jr. The Dark Heart of American History — «Saturday Review», vol. 51, 19.X.1968.

⁶⁶ A. M. Schlesinger, Jr. The Crisis of Confidence, p. IX—XI.

⁶⁷ J. A. Garraty. Interpreting American History. Conversations with Historians, vol. II. London, 1971, p. 274.

Эта доктрина Шлезингера, американский публицист-марксист Э. Берт справедливо критикует его за стремление заглушить подлинную природу кризиса. «Ошибка, — пишет Берт. — коренится не в наших головах, как хотел бы нас убедить Шлезингера, а в природе нашей социальной системы, находящейся под господством монополистического капитала»⁶⁸. Ведь в истории США было немало периодов, когда у власти стояли способные и дальновидные представители американской буржуазии, как Т. Рузвельт, В. Вильсон, Ф. Рузвельт, которые осуществили ряд крупных реформ, но не смогли исключить из жизни Америки конфликты, насилие и кризисы, составляющие саму сущность капиталистической системы.

В последние годы определенные изменения произошли во взглядах Шлезингера на место и роль президента в формулировании и осуществлении политического курса страны. Как отмечалось, в прежних работах Шлезингер непомерно преувеличивал влияние президента на характер общественно-исторического развития. Это объяснялось исходными позициями самого автора, считавшего великих личностей творцами истории, а народ — инертной массой, неспособной понять сложные механизмы общественно-политической борьбы и управления государством. Поэтому при анализе взаимоотношений трех ветвей государственной власти США — законодательной, судебной и исполнительной — Шлезингер отдавал явное предпочтение последней. В 1967 г. Шлезингер уже пишет: «Внутреннее напряженное состояние между конгрессом и президентом несомненно служило одной из великих основ американской свободы»⁶⁹. Теперь он решительно выступает против вмешательства президента в законодательные функции конгресса. По его мнению, именно конгрессу должна принадлежать власть принимать «фундаментальные решения в области внешней политики»⁷⁰.

Острые дискуссии и споры о роли и прерогативах президента в США развернулись в начале 70-х годов в связи с «уотергейтским делом». Самое деятельное участие в них принял и Шлезингер-младший. Он был одним из решительных сторонников отстранения от власти президента Р. Никсона. Для обоснования такой позиции он написал ряд статей и специальную книгу, которая сразу после выхода в свет в 1973 г. привлекла внимание общественности страны. Основной в этих работах является идея об «отречении конгресса» от власти и ее полной узурпации президентом. По мере развития этого процесса, утверждает Шлезингер, исчезали писанные и неписанные ограничения, державшие долгое время президентство под контролем. Конгресс все больше и больше оказывался бессильным перед ростом и расширением размеров и власти «послевоенных институтов американской внешней политики», ставшей заповедным полем «агрессивной президентской власти», поддерживаемой «военным и разведывательным истеблишментом», «фактически оказавшей вне досягаемости конгресса»⁷¹. «Применение соображений «национальной безопасности» ко всем случаям жизни, — пишет он в работе «Имперское президентство», — настойчивое внедрение секретности в работу исполнительной власти, отказ предоставлять информацию конгрессу, отказ расходовать средства, выделенные конгрессом, попытка запугивания печати, использование самого Белого дома в качестве базы шпионажа и саботажа, направленного против политической оппозиции, знаменовали собой распространение методов имперской президентской власти из области внешней политики и на внутренние дела»⁷². Однако Шлезингер пытается убедить читателя, будто этот процесс имел место лишь при президенте Р. Никсоне, противопоставляя ему Ф. Рузвельта и Дж. Кеннеди, которые, по его словам, уважали принципы, установленные «отцами-основателями».

Анализ развития государственных и политических институтов в США показывает, что переход реальной власти все в большей степени в руки президента был делом не одного Никсона, а объективным следствием концентрации и централизации экономической власти, становления и развития государственно-монополистического капитализма. Этот процесс, начавшийся еще на рубеже XIX—XX вв., особенно интенсивно протекал во время президентства Ф. Рузвельта в 30-х годах и в начале 60-х годов при пре-

⁶⁸ E. Bert. Schlesinger's New Fantasy for the Old. — «Daily World», 5.I.1974.

⁶⁹ A. M. Schlesinger, Jr., A. de Grazia. Congress and the Presidency. Their Role in Modern Times. Washington, 1967, p. 3.

⁷⁰ Ibid., p. 28.

⁷¹ A. M. Schlesinger, Jr. Congress and the Making of American Foreign Policy. — «Foreign Affairs», October 1972, p. 103.

⁷² A. M. Schlesinger, Jr. The Imperial Presidency, p. 246.

зиденте Дж. Кеннеди. «Никсоновская революция», о которой говорит Шлезингер, в действительности явилась логическим продолжением тех тенденций, которые в общественно-политической жизни США все отчетливее наблюдались в течение многих десятилетий. Вынужденная отставка Никсона с поста президента в 1974 г. в результате «уотергейтского дела» воочию показала, что ни один президент (при всех своих положительных или отрицательных качествах) не в состоянии осуществлять политическую власть, не получив одобрения правящего класса, интересы которого он представляет вместе с конгрессом.

Противопоставляя конгресс президенту, Шлезингер по сути дела приписывает конгрессу роль внеклассовой представительной организации, т. е. ту же роль, которую раньше (в работах о Джексо́не, Рузвельте и Кеннеди) приписывал президенту. В действительности же при всех разногласиях тактического характера, возникших в различные периоды истории взаимоотношений между двумя ветвями политической власти в США, и президент и конгресс последовательно осуществляли одну и ту же стратегическую линию утверждения и укрепления господства крупной буржуазии. Например, война во Вьетнаме была не только «войной президента Джонсона», но и «войной конгресса». При всех тайных махинациях администрации Джонсона, предшествовавших засылке во Вьетнам 500-тысячной армии, она в принципе была санкционирована конгрессом, который принял пресловутую «тонкинскую резолюцию». То же самое, как отмечает коллега Шлезингера по демократической партии сенатор Т. Иглтон, относится и к «тайваньской» и «кубинской» резолюциям конгресса⁷³, узаконившим авантюристическую политику правящих кругов США. Шлезингер призывает «демифологизировать» президентскую власть, но решение проблемы он фактически видит в «ремифологизировании» конгресса, т. е. в наделении его теми атрибутами, которые он раньше считал достоянием президента.

Как видим, исторические и идейно-политические взгляды одного из ведущих представителей современного американского либерализма — Шлезингера-младшего носят весьма противоречивый характер. С одной стороны, Шлезингер видит недостатки и критикует отдельные стороны общественно-политической системы США. С другой стороны, он убежден в возможности преодоления этих недостатков в рамках капитализма. Острые проблемы современной Америки он приписывает неадекватности и ошибкам политических деятелей. Часто взгляды и позиции Шлезингера по конкретным внешнеполитическим вопросам вступают в резкое противоречие с его же идеями о необходимости учета реального соотношения сил в отношениях между Соединенными Штатами Америки и Советским Союзом, миром социализма и капитализма. Если, как приверженец позиции «реальной политики», он вместе с такими своими коллегами, как Г. Моргентау, Дж. Кеннан, выступает за нормализацию отношений с Советским Союзом, то, как приверженец теории конвергенции капитализма с социализмом, он ратует за проведение пресловутой политики «наведения мостов», за политику подрыва социалистической системы изнутри. А когда эта политика терпит провал, Шлезингер в купе со многими другими либералами выступает с грубыми антикоммунистическими и антисоветскими инсинуациями, содержание и тон которых весьма далеки от научной объективности и политического реализма. В этом отношении характерны, например, призыв Шлезингера к коллегам по Американской исторической ассоциации не участвовать в Международном конгрессе историков в Москве в 1970 г., его рекомендации Американской исторической ассоциации и другие его выступления⁷⁴.

Эти противоречия — не прихоть одного только Шлезингера, а проявление реальных противоречий, внутренне присущих идеологии и политической практике современного американского либерализма, основная цель которого состоит в защите капиталистической системы эксплуатации трудящихся масс в США. Исторические и политические взгляды Шлезингера-младшего — наглядный пример неспособности приверженцев либерализма дать действительно научное и объективное объяснение характера и закономерностей общественно-исторического процесса, их неспособности найти реальный выход из сложных противоречий современной американской действительности.

⁷³ T. F. Eagleton. War and Presidential Power. A Chronicle of Congressional Surrender. New York, 1974, p. 230.

⁷⁴ «American Historical Assosiation Newsletter», vol. 7, № 4, April 1969, p. 5—6; vol. 9, № 1. January 1971, p. 21.